

С Л О В О О Т О Л С Т О М

Тем более горючили он, что ж и не когда становилось; заринами наливающихся грозы то и дело посверкивающей страны. Приближалась всеобщая ломка старых устоев,—беснуемые, н такие сердитые гребенки все обильнее вскипали на волне моря народного. С каждым годом ошутимей под ногою и сознании толстовских современников происходили подвижки материковой вечере еще — перлыло столь же бледной России. И вот в начале половецкие давностные годов бугуртаская пляма с рабочими окраина перекидывается на российскую деревню. В литературных салонах шестомого —поговаривают, что вот «идут мужики и несут топоры... Что-то страшное будет!». Первоученики революции чредую замысливают: «Изнежество, нищета, разорение, каторжники, низвержение, великим грузом давят на совесть писателя». Еще в 65-м году, накануне очередной российской голодухи, Толстой глухо роняет в одном письме к Фету — дескать, в случае чего, «и нам достанется». Нам — то есть правящим сословиям и церкви!.. Тот же жуткий предвестный холодок будущего не менее остро ощущал и другой, чуть постарше, — Николай Толстой, то классическое творчество русской, у которого страх перед грядущим так явно отразился в одном не худшем его романе. Достоевский мучился страхом — что же станет с человеческой душою, если древние своды всемирного христианства рухнут на цивилизацию, которая за две тысячи лет так прочно и плодотворно обосновалась под ними? И потому для Николая Толстого, подобно библейскому Самуилу, «слова Господня» — на самого себя, на собственны свой сословный мир! — стремились раздвинуть стенистые ему, подернутые сеткой исторического склероза колонны. Он острее своего великого современника чувствовал неотложность общественной перестройки, в первую очередь — для пресыщенного привилегированного сословия, к которому принадлежала и только для трудящегося люда, который, — Толстой считал, есть истинные дрожжи жизни и который во всех религиях служит почему то главным объектом опеки и воспитания. Жить по-старому становилось все трудней, Толстой, занятие это мыслится ему все горше и бесцельней. «Куда ни выйдешь — стыд и страдание!» — выражается однажды, как бызга, из-под его пера. Вот он, на верховой прогнанный презранием людей, жалких, под ложем придорожного былков. Они бьют камень на обочине

(Окончание. См. 2-я стр.)

[illegible]

К. ГРИГОРЬЕВ

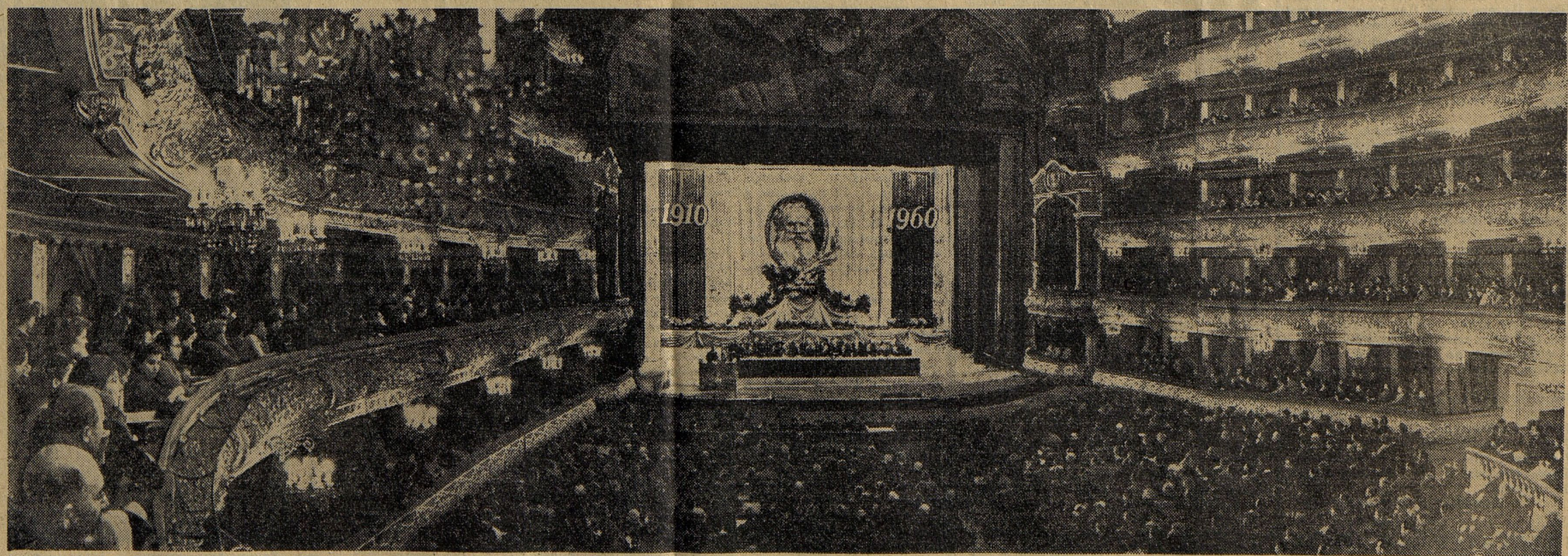

Фото М. Трахмана

Вечная бдительность — залог свободы
(Литография)